

ХАРУКИ
МУРАКАМИ



Горы - уже не горы,
солнце - не солнце.

Край обетованный

Харуки Мураками
Край обетованный
Серия «Pocket-book»
Серия «Мураками-мания»

Текст предоставлен издательством

http://www.litres.ru/pages/biblio_book/?art=155121

Харуки Мураками. Край обетованный: Эксмо; Москва; 2017

ISBN 978-5-699-96199-3, 978-5-699-96195-5

Аннотация

Все мы хотим разобраться в том, зачем рождаемся, живем на Земле, а потом умираем и исчезаем. И не следует особенно осуждать искреннее стремление найти ответы на эти вопросы. Тем не менее, как раз здесь и можно «нажать не ту кнопку», сделать роковую ошибку. Реальность начинает искажаться, и ты вдруг замечаешь, что край обетованный превратился в нечто иное...

«Край обетованный» – пожалуй, самая острая и спорная книга выдающегося японского писателя Харуки Мураками, исследующая природу зла в современном мире.

Содержание

Марк Стрэнд[1]. Старик проснулся при смерти	5
Предисловие	7
Хироюки Кано. А вдруг это и в самом деле «Аум»?	19
Акио Намимура. Я планирую свою жизнь по пророчествам Нострадамуса	49
Тамон Тэрахата. Для меня Учитель был человеком, окончательно разрешившим мои сомнения	73
Конец ознакомительного фрагмента.	82

Харуки Мураками

Край обетованный

Haruki Murakami

YAKUSOKU-SARETA BASHO-DE

(Andaguraundo 2)

Copyright © 1997, 1998 by Haruki Murakami

© Логачев С., перевод на русский язык, 2013

© Замилов А., перевод на русский язык, 2013

© Издание на русском языке, оформление. ООО «Издательство «Эксмо», 2013

Марк Стрэнд¹. Старик проснулся при смерти

Вот край обетованный,
Обещанный мне, когда я засыпал,
А когда проснулся, его отобрали.

Вот край, неведомый никому,
Здесь имена кораблей и звезд
Уплывают из-под пальцев.

Горы – уже не горы,
Солнце – не солнце.
Забываешь, как все было прежде.

Я вижу себя, вижу
Берег тьмы у себя на челе.
Некогда я был невредим, молод был...

Будто бы уже не все равно,
И вы меня слышите,
А погоды в этом краю когда-нибудь не станет.

¹ Марк Стрэнд (р. 1934) – американский поэт канадского происхождения. –
Здесь и далее прим. переводчиков, кроме отмеченных особо.

Перевод М. Немцова

Предисловие

В марте 1997 года (ровно два года спустя после зариновой атаки в токийском метро) вышла моя книга «Подземка», где собраны свидетельства потерпевших и родственников тех, кто погиб в результате этой акции. Как я уже писал тогда в предисловии, взяться за эту книгу меня побудило прежде всего то, что до народа не довели – или довели в крайне усеченном виде и притом почти одними и теми же словами, позаимствованными из формального языка, – конкретные факты и обстоятельства, имеющие отношение к самым обыкновенным людям, пострадавшим тогда в метро. По крайней мере, я искренне так думал.

Как писателю, мне хотелось понять, что это такое – когда человек едет утром в переполненном метро, и вдруг без всякого предупреждения вагон наполняется отравляющим газом – заринном, – и какие изменения произошли (или не произошли) в жизни и сознании людей, оказавшихся в том самом вагоне. Я думал, что мы, «граждане» (хотя в последнее время, пожалуй, слово это немного обесценилось), должны представлять это более отчетливо. Не просто знать, а ощутить реально, кожей, принять как скорбь, терзающую душу. Без этого связанного с нашим повседневным существованием исходного пункта, считал я, нам не охватить в полном объеме перспективу случившегося, не осознать, что для нас

значила зариновая атака в подземке и чем была секта «Аум Синрикё».

Мною двигало отнюдь не навязчивое желание встать на сторону «правой стороны», то есть пострадавших, и заклеить «неправую сторону» – а именно, виновников совершенного преступления. Я также не добивался социальной справедливости. Конечно же, книги, четко ставящие такие цели, очевидно, тоже нужны людям, но я лично стремился не к этому. Свою задачу я видел в другом: дать читателю – да и самому себе – «материал», необходимый для того, чтобы представить не какую-то одну точку зрения, а взгляды сразу многих людей. В принципе, к тому же самому я стремлюсь, когда пишу свои романы.

По правде сказать, работая над «Подземкой», я твердо решил не заниматься сбором информации об «Аум Синрикё». Установил для себя такое правило. Я мало что знал о секте (дело в том, что время, когда о деяниях «Аум Синрикё» больше всего сообщали в СМИ, я провел в США и был как бы отгорожен от информации москитной сеткой) и потому стремился отбирать материал для книги, по возможности оставляя эту страницу чистой. Иными словами, хотелось, насколько возможно, поставить себя на место тех, кто пострадал в тот день – 20 марта 1995 года. В положение людей, которые, ни о чем не подозревая, получили смертельный удар непонятно от кого. Поэтому я намеренно не включил в «Под-

земку» точку зрения «Аум Синрикё», опасаясь, что взгляды членов секты или ее сторонников не получат четкого изложения, поблекнут и расплывутся. Тогда мне хотелось одного – избежать позиции «и нашим, и вашим», не создать у читателя впечатления, будто автор «с пониманием относится к этой стороне, но в то же время в какой-то мере понимает и другую».

Тем самым я навлек на себя обвинения в «одностороннем подходе», хотя намеренно с самого начала взял за точку отсчета правило: съемочная камера должна быть установлена в одном месте, – и критика в мой адрес не вызвала полезной полемики о книге. Я стремился написать книгу, очень близкую духу людей, которых я опрашивал (конечно, это не то же самое, что занять их сторону), зафиксировать на бумаге – насколько можно живо – чувства и переживания, которые они в те минуты испытывали. Я считал: такое выполнение поставленной мной на том этапе задачи – моя обязанность как литератора, писателя. При этом я отнюдь не выбрасывал из головы религиозного и общественного значения – как в положительных, так и отрицательных аспектах, – которое имеет такое явление, как «Аум Синрикё».

Но работа была закончена, книга вышла, волнение улеглось, все успокоилось, и меня самого постепенно стал все больше волновать вопрос: «Что же такое «Аум Синрикё»?» Чтобы исправить определенный информационный дисбаланс, я сосредоточился на сборе свидетельств пострадавших,

но когда эта работа была выполнена, меня начали обуревать сомнения, насколько точную информацию об «Аум Синрикё» мы получаем.

В «Подземке» секта «Аум Синрикё» предстает как неопределенная угроза – некий «черный ящик», – жестоко и внезапно вторгающаяся в повседневную жизнь. И я решил попытаться и приоткрыть этот «черный ящик», посчитав, что, сопоставив его содержимое с перспективой, предложенной в «Подземке», или, иными словами, проанализировав их разнородность и однородность, может быть, удастся достичь большей глубины в понимании того, что произошло.

Всерьез заняться «Аум Синрикё» я решил еще и потому, что меня не покидало острое ощущение, будто «сам по себе этот случай не решит в итоге ни одной из основных проблем, вызвавших его». В Японии отсутствует нормальная и эффективная страховочная подсистема, которая в состоянии принимать людей (особенно молодежь), оторвавшихся от главной системы – японского общества, и после трагедии в токийской подземке в этом отношении ничего не изменилось. Организация «Аум Синрикё» сокрушена, но до тех пор, пока в нашем обществе существует такой серьезный системный недостаток – своего рода «черная дыра», – похожая, засасывающая в себя людей, структура – подобие «Аум Синрикё» – может когда-нибудь возникнуть вновь, и тогда нельзя будет исключать повторения того, что произошло 20 марта 1995 года. Тревога за это не оставляла меня уже тогда,

когда я только начинал собирать материал для этой книги, и сейчас, когда работа над ней закончена, меня это беспокоит еще сильнее (разве нельзя, к примеру, цепочку каких-нибудь «острых» инцидентов с участием школьников воспринять как составную часть ситуации, сложившейся в обществе после, с «Аум Синрикё»?).

Поэтому я сделал вывод, что мне ничего не остается, как, зафиксировав мысли и чувства членов (или бывших членов) «Аум Синрикё», представить их читателю в той же форме, что была написана «Подземка». Так можно будет добиться более глубокого и правильно выстроенного баланса «справедливых сомнений», которые я испытывал с самого начала. Вот к какому заключению я пришел.

Выяснилось, однако, что отбор членов (бывших членов) «Аум Синрикё» для моих интервью – совсем не то, что работа с пострадавшими от зариновой атаки, и дело вовсе не простое. Встал вопрос: по какому критерию вести этот отбор? Возникли также сомнения в некоторой степени фундаментального характера, а именно: кого можно назвать «типичным последователем «Аум Синрикё»» и кто в состоянии судить о том, подходит тот или иной человек под это определение или нет. Были также опасения, не станут ли в конечном итоге неприукрашенные рассказы сектантов – если таких людей удастся отыскать – чем-то вроде религиозной пропаганды. Получится ли что-нибудь из этих рассказов?

Но сколько я ни задумывался над этими вопросами, ответа на них найти не мог. Поэтому для начала решил попробовать взять интервью у нескольких человек, а потом все обдумать еще раз. Впрочем, сказать по правде, такую же авантюрную тактику я применял и когда беседовал с пострадавшими от «Аум Синрикё».

Поиск членов (или бывших членов) «Аум Синрикё», которые изъявили бы желание ответить на мои вопросы, шел по линии редакции журнала «Бунгэй сьундзю». Интервью в принципе проходили в том же стиле, что использовался мной в «Подземке». Я старался разговорить человека, добиться, чтобы беседа шла как можно дольше. В ответ на мои вопросы интервьюируемый говорил только то, что хотел. Разговор обычно продолжался три-четыре часа.

Записанное на пленку интервью я переносил на бумагу и отдавал на сверку. Чтобы сохранить своеобразие и естественность речи, я старался вносить в интервью как можно меньше правки, но все-таки корректировал те места, где были какие-то неточности, или менял выражения, которые могли быть неверно истолкованы. Вычеркивал, если говорили: «Что-то здесь плоховато получилось», добавлял, когда слышал: «Это важно. Просто я забыл об этом сказать». И только получив согласие («Теперь все в порядке»), сдавал текст в набор. Я предпочитал, чтобы интервьюируемые по возможности выступали под настоящими именами, хотя псевдонимы тоже принимались, если возникало такое желание. Вы-

мышленное имя или настоящее – в тексте это не указывалось. Все это я подробно объяснял людям, когда предлагал им дать интервью.

Обычно я не проверял достоверность того, что мне рассказывали. Исключение составляли случаи, когда рассказы вступали в очевидное противоречие с известными фактами. Может, такой подход и вызовет возражения, но такова моя работа – выслушать людей и изложить сказанное в как можно более доступной форме. Пусть в книге встречаются кое-какие несоответствия (хотя память – вещь неустойчивая, и теоретически это всего лишь индивидуальная трактовка событий), но «коллективная история», родившаяся из рассказов отдельных людей, очень правдива и достоверна. В ней есть то, что мы, писатели, остро переживаем изо дня в день. Вот что я имею в виду, считая, что это была работа для писателя.

Впрочем, не следует думать, что рассказы пострадавших от атаки «Аум Синрикё», включенные в «Подземку», и беседы с людьми, связанными с сектой, совершенно одинаковы по содержанию и форме. Самое большое различие между ними в том, что в интервью со второй группой я нередко вставлял собственные мысли, иногда высказывал сомнения, вступал в полемику. Если в «Подземке» я старался по мере возможности оставаться в тени, чтобы максимально избавиться текст от своего присутствия, то на этот раз – по сравнению с прошлой книгой – у меня было намерение занять чуть

более активную позицию. Я посчитал это необходимым, хотя слишком выставлять себя не хотел. Дело в том, что подчас люди, с которыми мне довелось разговаривать, пускались в догматические рассуждения. Оставлять их в таком виде — значило нарушить баланс беседы и было бы явной несуразицей. В этом состоит главное отличие от интервью с пострадавшими.

Хочу сделать одну оговорку. Я не специалист в вопросах религии и не социолог. И отнюдь не считаю себя хорошо осведомленным в этих делах. Я простой, не очень образованный писатель (то, что это не показная скромность, уже могут подтвердить многие). Мои познания в религии можно сравнить с едва отросшим ежиком волос на бритой голове. Поэтому я понимал, что у меня, скорее всего, мало шансов на победу, если я ввяжусь в поединок в тесных рамках ученого диспута со стойкими оппонентами, знающими религию не на словах. Скажу честно: у меня были такие опасения, когда я приступал к сбору материала о людях из «Аум Синрикё». И все же я решил: будь что будет. Если что-то будет непонятно, так и скажу. Если подумаю, что какие-то рассуждения слишком мудрены, буду говорить: «Тут есть определенная логика, но обычным людям в ней не разобраться». Ничего другого не оставалось. Так я и делал. Говорю это не для того, чтобы оправдаться или показать себя. Чем легковесно жонглировать специальными терминами и поддакивать: «Вот-вот. Вы правы», я предпочитал углубляться в предмет разговора,

начиная с самых элементарных, основных вещей и останавливая собеседника, чтобы потребовать пояснений. Мне казалось, что так беседа получится более завершённой.

Кроме того, обмениваясь с собеседниками взглядами на самые обыкновенные вещи, мы стали достаточно хорошо понимать, что хотим сказать друг другу, и в целом я уяснил для себя их образ мыслей (согласен я с ним или нет – совершенно другой вопрос). По крайней мере, для подобных интервью этого вполне достаточно. Детальный анализ психологии собеседника, замечания по поводу моральной и логической обоснованности его позиции не являются непосредственной целью моей работы. Более подробным изучением религиозных вопросов, определением их социального значения пусть занимаются специалисты. С этим все ясно. Я же пытаюсь представить здесь другое – образ *этих людей* с позиции человека, который общался с ними лицом к лицу.

В то же время, беседуя с этими людьми с глазу на глаз, нельзя было не ощутить совершенно очевидного сходства между писательским трудом и их религиозными порывами. В самом деле, здесь чрезвычайно много общего. В этом нет никаких сомнений. Хотя, наверное, нельзя утверждать, что эти две сферы имеют одни и те же корни. Ведь кроме общего у них есть и решающие отличия. В процессе разговора эти люди вызывали у меня личный интерес, а подчас – и что-то вроде раздражения.

Как бы то ни было, возникает ощущение, что, возможно,

именно в силу наличия у меня такой точки зрения я – человек, не имеющий специальных знаний о религии, – мог в зависимости от обстоятельств либо охотно соглашаться с тем, что мне говорят, либо категорически отвергать. Возьму на себя смелость добавить, что в конечном итоге в этих интервью далеко не последнюю роль сыграло то, что принято называть здравым смыслом.

Если говорить о моих личных впечатлениях, то, как человека, год проработавшего над «Подземкой», меня до сих пор глубоко возмущают действия членов секты «Аум Синрикё», распыливших газ в токийском метро (я имею в виду непосредственных исполнителей и тех, кто в той или иной форме замешан в этой акции). Я своими глазами видел пострадавших от зариновой атаки – они продолжают мучиться и сейчас, – я был свидетелем бесконечных страданий тех, кто навеки потерял любимых людей. Забыть это невозможно, и такое преступление не может быть оправдано никакими побуждениями и обстоятельствами.

Но в целом, что касается степени причастности – реальной, морально-духовной или структурной – секты «Аум Синрикё» к этому инциденту, споры будут идти и дальше, и справедливое суждение на сей счет пусть выносит читатель. Я брал эти интервью не для того, чтобы заклеить членов секты – настоящих и бывших, – и не для того, чтобы как-то переоценить их в новом свете. Хотелось бы, чтобы это было понятно с самого начала. Я предлагаю читателю то же, что

стремился передать в «Подземке», – живой, «из плоти и крови», материал, необходимый для того, чтобы представить не какую-то одну точку зрения, а взгляды сразу многих людей.

После выхода «Подземки» и после того, как «Бунгэй сьондзю» закончил публиковать ее продолжение, у меня состоялись две продолжительные беседы с профессором Хаяо Каваи. Своего рода диалог, хотя я главным образом задавал вопросы, а господин Каваи на них отвечал. После долгой работы над «Подземкой» и ее продолжением многое оставалось неясным и никак не хотело обретать форму. Эти беседы дали мне четкие (и в то же время наводящие на серьезные размышления) ответы с точки зрения психолога, позволили разобраться, что к чему. Я не могу представить на месте господина Каваи другого человека, способного развеять мои сомнения.

Конечно, мне как писателю в дальнейшем литературном процессе надо будет тщательно изучить и разобраться со всем, что оставила во мне эта работа. На это уйдет еще много времени. Не думаю, что все сразу легко уляжется по своим полочкам. И сейчас я очень благодарен господину Каваи за подсказки, как подвести под этим психологическую черту.

Содержащиеся в этой книге интервью публиковались в «Бунгэй сьондзю» с продолжением в 1998 году – в номерах с апреля по октябрь. Хочу сердечно поблагодарить главную

го редактора «Бунгэй сьундзю» Такахиро Хирао, нашедшего для меня место на страницах журнала, и редакцию в лице Ёсио Омацу, который с большим терпением занимался вместо меня решением сложных практических вопросов, сыпавшихся на нас один за другим (как представитель так называемого «поколения Аум» он сделал немало полезных замечаний). В выходе интервью в свет отдельной книгой большую помощь оказал сотрудник издательства Кадзухиро Мураками.

В «Бунгэй сьундзю» публикация называлась «После «Подземки»». Однако книгу я назвал «Край обетованный».

Хироюки Кано. А вдруг это и в самом деле «Аум»?

Родился в Токио, но вскоре переехал с родителями в соседнюю префектуру, где и прошло его детство. Есть младшие брат и сестра. Участь в колледже, серьезно заболел и начал заниматься йогой в зале, принадлежавшем «Аум Синрикё». Уже спустя двадцать дней Сёко Асахара стал убеждать его уйти в секту, что он и сделал через пять месяцев. Старший «самана»²; во время происшествия в токийском метро входил в созданное «Аум Синрикё» Министерство науки и техники, где в основном занимался компьютерной техникой. Провел в секте шесть лет своей жизни и считает эти годы замечательным, безмятежным временем, которому положила конец зариновая атака. Приобрел в секте много друзей.

Из секты пока не вышел, но покинул общину и с другими членами секты держится на расстоянии. Живет в Токио один, работает на дому с компьютерами; самостоятельно продолжает медитации. Интересуется буддизмом, мечтает постичь глубины теории. Говорит, что не хочет «быть на попечении братства». Многие его знакомые и приятели

² Здесь – послушник; человек, посвященный в «учение» Сёко Асахары и связавший жизнь с «Аум Синрикё».

порвали с сектой. Ему еще тридцать два года, и он пребывает в сомнениях, не зная, какую дорогу выбрать дальше.

За время нашей продолжительной беседы ни разу не упомянул Сёко Асахару. Не только не назвал этого имени, но и не употреблял «пограничных» слов, вроде «учителя» или «гуру». Вообще избегал имен. По всей вероятности, просто не может подобрать слов, которыми можно выразить отношение к факту существования Сёко Асахары. За всю беседу только раз сказал «этот человек». Это произвело на меня сильное впечатление.

Я имел дело с человеком, любящим порассуждать, склонным к размышлениям. Такой может понять и принять все, что угодно, если только сумеет подвести под это теоретическую базу. При этом для перехода от жестких догм, которыми он долго напитывался, к «собственной, живой теории» ему еще понадобится время.

В детстве я был очень жизнерадостным и хорошим парнем. Уже в начальных классах вымахал за метр шестьдесят – сантиметров на двадцать выше сверстников. Любил заниматься спортом и вообще был натурой увлекающейся. Но после шестого класса вдруг перестал расти и теперь уже был ниже других ребят. Душевное состояние замедлило физическое развитие. Да и на здоровье сказалось.

Учился неплохо, хотя и довольно неровно, и уже в седьмом классе четко определил для себя, что хочу делать и че-

го нет. Учеба давалась легко, но вызывала какое-то мощное внутреннее сопротивление. Слишком велика была разница между тем, чему хотелось научиться, и тем, чему учили в школе...

Учиться – значит становиться умнее. А в школе все держится на зубрежке – надо запоминать всякую ерунду, вроде численности поголовья овец в Австралии. Тут сколько ни зубри, ума все равно не наберешься. Ум – если мыслить образами детства – это то, чем обладает Снусмумрик из семейства Муми-троллей. Таким мне и представлялся взрослый человек – спокойным, умным, находчивым, сообразительным.

А что за человек ваш отец?

Как сказать... Обыкновенный «сарариман»³. Спец по типографским машинам. Мастер золотые руки, а вот поспорить, порассуждать о чем-то – это не его. Грубый, раздражительный; руки, правда, не распускал. Типичный ремесленник. Спросишь у него что-нибудь – он тут же из себя выходит. Прямо как учителя в школе. Их сколько ни спрашивай, все без толку. Они от этого только голову теряют, объяснить ничего не могут. Странно! Самостоятельные взрослые люди, а чуть что – сразу меняются в лице, сердятся, расстраивают-

³ Служащий, «человек, живущий на зарплату» – искаж. от *англ.* salary – «зарплата» и man – «человек».

ся. Взрослых я воображал совсем другими.

Я окончательно понял, что это две большие разницы, когда сидел без работы и смотрел по телевизору сериал «Жены по пятницам». Тут уж я совсем разочаровался. Что это за взрослые, если они дальше не растут, не развиваются!

То есть вы разочаровались, потому что считаете персонажей сериала совершенно бесполезными людьми?

Именно. После этого сериала от моих представлений о том, каким должен быть взрослый человек, камня на камне не осталось. Люди становятся старше, набираются знаний, опыта, но внутреннего развития у них никакого. Они меняются внешне, приобретают поверхностные знания, а во всем прочем остаются как дети.

Еще у меня были очень серьезные сомнения по поводу любви. Годам к девятнадцати я много пропустил через себя и пришел к следующему выводу: чистая любовь к другому человеку и так называемая «романтическая любовь» – разные вещи. То есть когда любовь чистая, настоящая, для себя тебе от нее ничего не надо. А романтическая любовь – это другое. Тут уже примешивается желание, чтобы тебя полюбили. Если любишь по-настоящему, отсутствие взаимности не должно угнетать абсолютно. Чего страдать, что тебя не любят, если у твоей избранницы все хорошо. Ну а если страдаешь, значит, все-таки хочешь, чтобы тебя полюбили.

Так что это разные явления. Я это понял и благодаря этому куда меньше мучился от неразделенной любви.

Ну, тут у вас, по-моему, с логикой перебор. Обычный человек, даже если у него случилась безответная любовь, до такого и не додумается.

Очень может быть. Я жил, думая только о таких вещах. К двадцати годам у меня накопилось порядком философских заключений такого рода. Я погружался в раздумья и мог просидеть так отрешенно часов шесть. Это и есть для меня «учиться». А то, чему учат в школе, – это вроде погони за отметками.

Иногда я пробовал заговорить об этом с приятелями, но разговора не получалось. Подойдешь к кому-нибудь потолковее и слышишь восторженный ответ: «Ну ты даешь! Надо же до чего додумался! Это круто!» И все. Людей, с которыми можно вволю наговориться о самом интересном, мне что-то не попадалось.

Обычно люди начинают мучиться такими важными вопросами с наступлением половой зрелости и берутся за книги в надежде отыскать в них полезный совет.

Читать я не люблю. Совсем. Потому что начнешь читать – и натыкаешься на разные ошибки и несуразицы. Особенно в

книгах по философии. Несколько штук прочитал, но больше в меня уже не полезло. Для меня философия – такая штука, которая дает углубленное познание мира и позволяет определить, что требуется для его улучшения. Если более конкретно, то благодаря погружению в сущностные ценности, вроде смысла жизни и прочего, жизнь становится полнее и радостнее, человек видит, что нужно сейчас делать. Вот эти самые шаги к усовершенствованию мира и есть главное, а то, что мы проходим на этом пути, – всего-навсего промежуточные ступени. Между тем у меня сложилось впечатление, что книги, которые я читал, пишутся заслуженными людьми только для того, чтобы поупражняться в словесной эквилибристике и покрасоваться перед читателем: мол, вот какой я умный. Когда я это понял, читать сразу расхотелось. А заодно наступило разочарование в самой философии.

В шестом классе я еще вот до чего додумался. Попались мне как-то на глаза ножницы, и вдруг пришло в голову: ведь их кто-то делал. Взрослые люди занимались этими ножницами, старались, чтобы вышло получше, но когда-нибудь эти ножницы непременно сломаются. И так случается со всеми предметами, имеющими форму. И с людьми тоже. В конце концов все они умирают. Все в этом мире движется прямоком к своей гибели, и назад пути нет. Иначе говоря, гибель – космический закон. Вот такой вывод возник у меня в голове, и с тех пор я по жизни пессимист.

Раз у человеческой жизни один конец, не все ли равно,

станешь ты премьер-министром или кончишь свои дни бродягой? Я засомневался: коли так, к чему тогда все старания и усилия, какой от них толк? Родилась даже страшная мысль: если в жизни приходится больше мучиться, чем радоваться, может, мудрее будет поскорее покончить с собой?

Выход может быть только один – «загробный мир», жизнь после смерти. Это единственная возможность. Впервые услышав эти слова – «жизнь после смерти», – я подумал: «Какая чушь!» И все же решил почитать Тэцуро Тамба⁴. Настрой, правда, у меня был скептический – просто захотелось посмотреть, что за чепуху он написал. Книжка называлась «Что нас ждет после смерти».

Вообще у меня такой характер: стоит за что-то мыслью зацепиться, всю голову себе изломаю. «Обойдется как-нибудь» – это не для меня. Мне обязательно надо все разложить по полочкам – что понятно и что непонятно. Это касается и учебы. Узнаешь что-то новое, и тут же рождается десяток новых сомнений. И пока от них не избавишься, дальше двигаться невозможно.

Учителя, должно быть, вас не любили? (Смеется.)

Терпеть не могли. Я, например, не признавал словечки типа «иссиня-зеленый». Как такое может быть? Или «семь раз

⁴ Тэцуро Тамба (р. 1922) – японский киноактер. Многие годы занимался изучением спиритизма, автор книг на эту тему и фильма о загробной жизни.

упасть, восемь раз подняться». Что это? Почему подъемов на один раз больше, чем падений? Я набрасывался на взрослых со своими сомнениями, а они только на смех меня поднимали. Даже разговаривать не хотели, никто ничего толком не объяснял. Смотришь на таких и думаешь: «Ну что за люди!» Почему все должно оставаться как в тумане? Как можно плевать на то, что непонятно? Душа этому противилась.

Я бы как-нибудь сумел объяснить, что значат эти слова (смеется), но тогда вокруг вас не было никого, кто мог бы ответить на такие вопросы. Обыкновенные люди в детали особенно не вдаются, и ничего – обходятся, живут себе дальше.

Верно. Но у меня так не получалось. Мне казалось, нельзя так жить – гладко, ни за что не цепляясь.

Так вот. Книжка самого Тэцуро Тамба показалась мне никчемной, зато в ней упоминались сочинения Сведенборга⁵. Я их почитал и был поражен. Этот Сведенборг был известным ученым и в наше время вполне мог бы заслужить Нобелевскую премию по физике, но после пятидесяти у него открылись способности медиума. Он очень много писал о потустороннем мире. Читая Сведенборга, я восхищал-

⁵ Эмануэль Сведенборг (1688–1772) – шведский ученый, мистик, философ и теолог. Его сочинения сформировали основу вероучения Церкви Нового Иерусалима, или Новой церкви.

ся остротой его логики. По сравнению с другими авторами, писавшими на эту тему, у него все логически безупречно. Причинно-следственные связи исключительно убедительны, и потому написанному веришь.

Захотелось погрузиться в эту область поглубже. Я ознакомился со свидетельствами разных людей, которые пережили состояние между жизнью и смертью, и они привели меня в замешательство своей удивительной похожестью, независимо от того, кому принадлежали – японцам или иностранцам. Это были свидетельства реальных людей, с их фотографиями. Очень маловероятно, что все они сговорились одинаково соврать. Потом я познакомился с законом кармы, который развеял многие сомнения, мучившие меня с детства.

Еще я понял, что непостоянство всего сущего в буддизме есть то же самое, что закон движения Вселенной к своей гибели, о котором я размышлял. У меня всегда был негативный взгляд на такие вещи, но из-за этого было очень легко воспринимать буддизм.

А книги о буддизме вы читали?

Серьезных – нет. А в том, что читал, прямых ответов не нашел. Средства улучшить мир не обнаружил. Там говорилось о разных сутрах, но сути я не увидел и до того, что хотел узнать, так и не добрался. Об этом куда яснее говорилось в рассказах людей, делившихся своим личным опытом. Хотя,

конечно, далеко не всему в них следовало верить.

Каким-то образом я твердо знал, чему в этих рассказах можно верить, а чему нет. Не знаю, чем это объяснить – может, опытом или интуицией, но во мне была непонятная уверенность в своей способности отличить одно от другого.

Мне кажется, вы последовательно исключаете все, что противоречит вашим теориям и ощущениям. Я хочу сказать, что в мире существует множество самых разных вещей, которые бросают вызов чьим-то теориям и взглядам. Своего рода противоположных ценностей. И вы, похоже, не очень хотите иметь с ними дело.

Взрослым всегда было трудно меня переспорить, даже когда я еще учился в начальной школе. Все взрослые казались мне идиотами, хотя я знал, что это не так. Сейчас об этом жалею. Маленький был, не понимал. Если чувствовал, что переспорить не удастся, в перепалку старался не ввязываться. Беспроигрышная игра. В младших классах я и учителям не уступал. Это сделало меня слишком самоуверенным.

Зато с приятелями я общался нормально. Для каждого у меня была своя тема. Я всегда знал, что нужно сказать в той или иной ситуации, поэтому друзей у меня хватало. Я прожил так лет десять – радуя своих товарищей и получая от этого удовольствие. А дома, наедине с самим собой, начинал думать над тем, как дальше сложится жизнь. И в конце кон-

цов оказалось, что среди моих знакомых нет ни одного человека, которому было бы интересно то же, что и мне.

Без особой подготовки я поступил в электротехнический колледж. Пошел по технической линии, хотя это было не совсем то, чего мне хотелось. На самом деле меня интересовали знания, имеющие отношение к поиску подлинной мудрости. Например, систематизация восточной философии с позиций естественных наук. Это если в идеале.

Возьмем биофотоны, частицы света, испускаемые живыми организмами. Если взять подробную статистику о связи этих биофотонов с разными болезнями, то здесь, как можно предполагать, существуют физические законы. Они обязательно должны действовать и между слабыми частицами света, выделяемого живой материей, и колебаниями сердечной мышцы. Это я вынес из занятий йогой.

Значит, для вас очень важно количественно измерить эти силы, иметь возможность зафиксировать их визуально?

Совершенно верно. Это позволяет привести все в такую систему, которая способна убедить всех. В этом смысле современная наука устроена замечательно. В ней все здорово продумано. Я думаю, что, пользуясь этим и выстраивая математические аргументы, можно создать довольно тонкую и точную систему. В «Аум» тоже есть очень ценные элементы.

И мне бы хотелось, чтобы они в сути своей были сохранены. В форме религии этого уже не добиться. Здесь можно подвести теоретическое обоснование только на научной основе.

То, чего нельзя измерить научными средствами, меня мало интересует. Дело даже не в интересе – просто это неубедительно, а значит, нельзя донести до окружающих, какие им будут от этого выгоды. Если такая неизмеримая субстанция обретет силу, мы получим нечто вроде «Аум». А измерив ее, можно исключить эту опасность.

Но насколько могут соответствовать реальности такие измерения? Не зависят ли их результаты от той или иной позиции, тех или иных взглядов? Кроме того, существует опасность манипулирования информацией. Людям придется решать, устроят ли их такие измерения. Есть и вопрос о доверии к измерительным средствам.

Полагаю, в таких случаях можно пользоваться статистическими методиками, которые обычно применяются в медицине. «Такие-то симптомы означают то-то. Лечить их надо так-то». Что-нибудь в этом роде.

Как я понимаю, к художественной литературе вы равнодушны?

В общем, да. Страницы три могу выдержать, не больше.

Я – писатель, и в отличие от вас считаю самым важным как раз то, что не поддается измерению. Разумеется, я не отказываю вам в праве жить и мыслить по-своему. Я придерживаюсь нейтральной позиции – не говорю ни да, ни нет. Но жизнь большинства людей состоит из множества мелочей, рассчитать или измерить которые невозможно. И изменить эту ситуацию, сделать так, чтобы все это можно было бы измерить, нереально.

Согласен. Я не думаю, что мелочи, о которых вы говорите, ничего не стоят, но если взглянуть на мир, где мы живем, то, мне кажется, в нем слишком много страданий. И причины, их порождающие, множатся в нашем обществе прямо на глазах. Люди страдают от неконтролируемых желаний – чревоугодия, жажды секса.

«Аум» удалось сделать вот что – ослабить такой психологический стресс и усилить за счет этого возможности отдельной личности. Последователи «Аум» на 99 % видели в братстве именно это. Взгляд на духовные и физические явления. Способ усовершенствования жизни, решения проблем. Вот что такое «Аум» при взгляде изнутри. А все эти разговоры об организации, апокалиптической философии – это выдумки средств массовой информации. Среди моих знакомых нет людей, всерьез воспринимающих пророчества Нострадамуса.

са⁶. Рассуждениями на таком уровне никого не убедишь.

Мне хотелось бы хоть как-то систематизировать на научной основе некоторые элементы восточной философии – такие, как переселение душ и карма. Поезжайте в Индию. Там вы найдете множество людей, для которых эти понятия – часть жизни; они верят в них интуитивно. А в развитых странах сейчас такое время, когда нужна подходящая теоретическая база. Без нее люди этого не поймут и не примут.

До войны часть японцев верила в божественное происхождение императора, и эти люди умерли за свою веру. Вы считаете, это правильно? В такое можно верить?

Если этим все кончилось, что ж, это нормально. Хотя, мне кажется, если задумываешься о следующей жизни, лучше жить ближе к буддизму.

Но тогда это всего лишь разные объекты веры – император или буддистское переселение души. Разве не так?

Только результат разный. То, что человек получает после смерти, веря в императора, – не то же самое, что дает вера в буддизм.

⁶ Нострадамус (Мишель Нотрдам, 1503–1566) – французский врач и астролог, лейб-медик Карла IX, получил известность как автор «Столетий» (1555), содержащих предсказания грядущих событий европейской истории.

Вы говорите как буддист. Однако те, кто верил в императора, считали, что если они умрут за него, их души упокоятся в мире в храме Ясукуни⁷. Это нормально, вы считаете?

Поэтому я и думаю, как доказать буддизм математически. Такой метод пока не разработан, поэтому мы с вами и спорим. Не знаю, что еще можно к этому добавить.

То есть, если бы существовал метод, позволяющий теоретически измерить императора, вы бы возражать не стали?

Не стал. Чего возражать, если человеку от этого после смерти стало лучше.

Я вот что хочу сказать. Если заглянуть в историю, окажется, что науку нередко использовали во имя политики или религии. Например, этим занимались нацисты. Существовало много учений лженаучных, как потом выяснялось. В результате обществу были нанесены очень болезненные

⁷ Синтоистский храм в Токио, место поклонения японцам, погибшим в войнах. «Проблема храма Ясукуни» является одной из ключевых в отношениях Японии с соседними странами, в частности – с Китаем и Южной Кореей, которые постоянно критикуют японских руководителей за посещение храма, рассматривая это как приверженность милитаристскому прошлому Японии.

раны. Положим, вы выстраиваете строгую доказательную базу, но обычные-то люди... Стоит какому-нибудь авторитету сказать: «Наука пришла к такому-то выводу», – и они это глотают и идут, куда им сказали. Меня это очень пугает.

Меня вообще пугает нынешняя ситуация. В нашем мире люди испытывают много никому не нужных страданий. Поэтому-то я и задумываюсь над вопросом, как этого избежать.

Кстати, как получилось, что вы оказались в «Аум Синрикё»?

Я прочитал книгу о том, как медитировать в домашних условиях. Попробовал, и тут случилась странная вещь. Я занялся этим делом без особого пыла, но, попробовав почистить чакры⁸, почувствовал, что мои жизненные силы убывают. Вообще-то очистка чакр должна сопровождаться укреплением духа, но со мной этого не произошло. Мои чакры оказались разбалансированными, мне стало совсем паршиво. То в жар бросало, то в холод. Из меня будто высосали энергию, напала анемия. Ситуация была опасная. Я перестал есть, дошел до 46 килограммов. А сейчас во мне 63. На лекциях в колледже я буквально загибался, учиться совсем не мог.

⁸ В йоге – зоны концентрации психической энергии.

Как раз в это время я и пришел в зал «Аум» в Сэтагая. Там мне объяснили, что со мной, рассказали, как с этим справиться. Прописали элементарные дыхательные упражнения, и я стал поправляться. Так быстро, что поверить трудно.

После этого месяца два я почти не бывал там, но потом стал ходить регулярно и три недели помогал готовить листовки. Скоро состоялось занятие «секретной йогой», во время которого можно было напрямую пообщаться с Основателем⁹. Я спросил, как можно окончательно вылечиться, и в ответ услышал: «Ты должен прийти к нам». Меня как бы просветили насквозь. Все, кто при этом присутствовал, были удивлены: раньше такого никому не говорили. И я решил бросить колледж и ушел в братство. Мне тогда было 22.

Мало кто начинал так, как я, – с ухода в братство. Это редкий случай. Но я так ослабел, что еле ноги волочил. Дальше так жить было невозможно. Мне было сказано: «Для этого мира ты не подходишь», и я согласился – убеждать меня не требовалось. Собственно, разговора у нас не было, он заявил это сразу, без всякой подготовки. Обычно он почти не разговаривает, но может многое сказать, просто глядя тебе в лицо. Словно все о тебе знает. Вот почему люди ему верят.

Можно, однако, предположить, что перед тем, как встречаться с людьми, он собирал на них досье. Самую разную информацию.

⁹ Сёко Асахарой. – Прим. автора.

Может быть. Но в то время мне так не показалось. Я присоединился к братству в 1989 году, и тогда нас было еще не так много. Двести с небольшим. А под конец стало около трех тысяч.

Когда он был добр, добротой с ним не мог сравниться никто. Во всяком случае, я не встречал людей добрее. Но и в гневе не было человека страшнее. В нем ощущалась такая пугающая широта, что даже от нескольких сказанных им слов возникало убеждение, что этот человек наделен наитием свыше.

Уход в братство дался очень тяжело. Родителей расстраивать не хотелось, да и к новым религиям отношение у меня было резко отрицательное. Выслушав меня – я постарался объяснить все, как следует, – родители подняли страшный крик, от которого я не знал куда деться. Крик был их главным оружием. Вскоре умерла мать. Я очень переживал. Незадолго до того на нее свалилось много всего – стрессы и прочее, – и случившееся со мной стало чем-то вроде последней капли. Отец, должно быть, думает, что это я ее убил. Наверняка¹⁰.

¹⁰ Сразу после прихода Кано в братство состоялись выборы в нижнюю палату парламента, в которых участвовало немало кандидатов от «Аум Синрикё». Он не остался в стороне от избирательной кампании и был убежден, что Сёко Асахара станет депутатом. Похоже, он и сейчас не верит, что за Асахару почти никто не голосовал. Многие его последователи считают, что выборы были подтасованы. После выборов Кано определили в созданную сектой строительную бригаду и

В Наминомура я пробыл пять месяцев, работал шофером-дальнобойщиком. Возил крупноблочные панели на четырехтонном грузовике. Всю страну объездил. Ничего работа. Баранку крутить все же приятнее, чем жариться на солнце на стройке.

Жизнь в братстве оказалась суровой – даже не сравнить с тем, как я жил в миру, – но необыкновенно полной и содержательной. Я благодарен ей за то, что она избавила меня от внутреннего разлада. А еще у меня появилось много друзей – взрослых, детей, бабушек, мужчин, женщин. В «Аум» все думают в первую очередь о духовном росте, поэтому у нас много общего. Раньше, чтобы поладить с человеком, мне приходилось приспособливаться, менять себя, но с приходом в братство необходимость в этом отпала.

Мои сомнения развеялись. Я получил ответы на все вопросы. Все прояснилось. Будто кто-то сказал: «Делай так и будет так». У меня был готов ответ на любой вопрос. Я ушел в это с головой (*смеется*). В средствах информации об этом не сообщают, зато сразу начинают кричать об управлении сознанием. На самом деле ничего этого нет. Это делается только для того, чтобы поднять рейтинги ток-шоу. Точным изложением фактов никто себя не утруждает.

После Наминомура я вернулся в центр «Аум» у горы Фуд-

зи и занимался там компьютерной техникой. Моим шефом был Хидэо Мураи¹¹. Мы иногда беседовали. Меня интересовали кое-какие вопросы, которыми хотелось заняться поглубже. Когда я сказал ему об этом, он без особого интереса ответил: «Занимайся, раз охота». Он вообще все внимание уделял выполнению распоряжений сверху.

Под «сверху» вы имеете в виду Сёко Асахару?

Да. У меня возникло ощущение, что Мураи изо всех сил старается подавить собственное эго. Поэтому ему не было никакого дела до новых идей, поступающих снизу. Но если кто-то хотел чем-то заниматься, что-то изучать, он не возражал.

В братстве я считался «помощником мастера». Это самый высокий ранг для тех, кто не относится к руководству. Что-то вроде заведующего отделом в частной компании. Довольно скромно, правда? Подчиненных у «помощника мастера» нет. Ни одного. То есть я занимался своей работой сам по себе, никто меня не ограничивал. И людей, которые находились в таком же положении, было много. Послушать средства информации, так в братстве все находились под жестким контролем, прямо как в Северной Корее, но в действи-

¹¹ Глава действовавшего в «Аум Синрикё» Министерства науки, один из организаторов газовой атаки в токийском метро. В апреле 1995 года убит ультраправым экстремистом за несколько минут до ареста.

тельности многие занимались чем хотели. Конечно, мы могли свободно приходить и уходить. Личного транспорта мы не имели, хотя каждый мог взять машину, когда хотел.

Однако затем последовал целый ряд спланированных насильственных преступлений – убийство адвоката Сакамото и его семьи, суды Линча, распыление зарина в городе Мацумото. Как вы это восприняли?

В воздухе носилось какое-то возбуждение. Происходило что-то подозрительное, тайное. Но что бы мне ни казалось, боюсь, тогда я все равно упрямо настаивал бы на том, что у нас все правильно. Потому что братство дало мне так много. Поверить сообщениям средств информации было невозможно. На братство наговаривают специально, считал я. Но примерно через год стал думать: «А может, это и вправду было».

Я был уверен, что наша организация никак не могла столько лет скрывать такое. Я имею в виду «дело Сакамото». Просто не могла. Что ни говори, а порядка братству очень и очень не хватало. Было как при коммунизме: ошибайся сколько хочешь – никто тебя не уволит. Вроде бы работали, а зарплату не получали. Вряд ли это можно назвать безответственностью, скорее здесь полное отсутствие чувства «личной ответственности». Все выглядело очень расплывчато, приблизительно, незавершенно. Казалось, ничто не име-

ет значения, важен лишь духовный рост. В обычном мире у людей есть жены, семьи, они ощущают свою ответственность перед ними и работают изо всех сил. В «Аум» этого не было.

Например, завтра на стройплощадку должны привезти металлоарматуру. Не привезут – стройка встанет. И не привозят. Человек, который за это отвечает, мямлит: «Ох ты! Совсем забыл». И все, инцидент исчерпан. Поругают немножко, и ему хоть бы что. Другие – то же самое. Достигли состояния, когда суровая повседневность уже не волнует. Даже если что-то плохое случается, говорят: «Карма плохая. Ничего не поделаешь», – и все довольны. Человек подвел других, его ругают, а он думает, что очищается за счет этого (*смеется*). Крутые ребята! Что бы ни было, им хоть трава не расти. На обыкновенных людей они смотрят сверху вниз, как бы говоря: «Страдаете? Ну и пусть. Нам до вас дела нет».

Вы провели в «Аум» шесть лет – с 1989-го по 1995 год. Неужели за это время у вас не возникло никаких проблем или сомнений?

Какие проблемы? Кроме благодарности, удовлетворения и ощущения огромной пользы, я ничего не испытывал. Ведь даже в тяжелые моменты я всегда знал, что мне самым подробным образом объяснят, в чем дело, что происходит. Нет, я имею в виду не то, что в братстве были люди, перед которыми я лично особенно преклонялся или которых уважал.

Ответы на эти вопросы мог дать любой «мастер», не говоря уже о тех, кто стоял выше. И самана, хотя и не относились к «мастерам», тоже имели представление о религиозных учениях. А наверху – одни самородки. Чем выше, тем круче. Например, Фумихиро Дзёю¹². В братстве много не менее красноречивых и ярких личностей. В «Аум» точно есть нечто такое, что отличает его по уровню от обычного мира. Чем значительнее человек, тем меньше он нуждается в сне. Многие в братстве спят не больше трех часов. Хидэо Мураи из их числа. Это человек, в котором поражает все – душевная сила, здравомыслие...

Доводилось вам встречаться лично с Сёко Асахарой, разговаривать с ним?

Доводилось. В прошлом, когда братство еще было малочисленным, люди часто подходили к нему с разными глупыми проблемами, типа «Что-то меня в последнее время в сон клонит». Но с ростом рядов это постепенно сошло на нет. Встретиться с ним наедине стало невозможно.

Не раз я проходил что-то вроде инициации. Это тяжелое

¹² Один из руководителей «Аум Синрикё», фактически второе лицо после Сёко Асахары. Одно время возглавлял отделение секты в Москве. В 1997 г. был приговорен к трем годам тюрьмы по обвинению в подлоге и даче ложных показаний на процессе по уголовному делу о терактах, совершенных «Аум Синрикё». После освобождения в декабре 1999 г. объединил остатки «Аум» в организацию «Алеф», которую и возглавил.

испытание. Особенно проверка на жароустойчивость. Использовались и наркотические вещества – ЛСД¹³, хотя тогда я ничего в этом не понимал. После наркотика кажется, что, кроме души, у тебя ничего не осталось. Тела совсем не чувствуешь, смотришь в самые глубины самосознания, разглядываешь там что-то. Удовольствия мало, я вам скажу. Голова как ватой набита, ощущение, будто ты уже умер. Я не знал, что это наркотик, думал, просто какое-то средство, которое помогает в религиозной практике.

Но вроде были случаи, когда у людей из-за наркотиков случались галлюцинации и они получали серьезный удар по психике.

Думаю, все дело в дозе или так получалось, когда ничто другое не работало. У нас было Министерство медицины, которое возглавлял Икуо Хаяси, но работали они из рук вон плохо. Если бы там посерьезнее наукой занимались, проблем бы не было. И потом, в братстве считалось, что человек должен пройти через разные испытания, преодолеть их. Хотя в таких делах лучше проявлять больше чуткости.

А где вы были в марте 1995 года, когда произошла газовая атака, чем занимались?

¹³ Диэтиламид лизергиновой кислоты; обладает выраженным галлюциногенным действием.

Сидел в Камикуисики у себя в комнате за компьютером. У нас был выход в Интернет, и я часто пользовался сетью, чтобы посмотреть новости. Вообще-то такие вещи запрещались, но я потихоньку нарушал это правило. А еще иногда отлучался за газетами и раздавал всем, чтобы читали. Попадись я на этом, заработал бы предупреждение, только и всего.

В тот день, проглядывая в Интернете заголовки новостей, я и узнал о происшествии в токийском метро. Но я и подумать не мог, что это сделал кто-то из «Аум Синрикё». Кто угодно, только не братство.

После этого в Камикуисики явились следователи. Казалось, дело идет к аресту всех членов Министерства науки и техники по ложному обвинению. Поэтому я счел за лучшее удалиться – сел в машину и уехал. Так что во время обыска меня там не было. В любом случае у меня и мысли не возникло подозревать братство в причастности к этому делу.

Даже когда его¹⁴ арестовали, я не чувствовал ни малейшего возмущения. Казалось, что сделать все равно ничего нельзя. Для приверженцев «Аум» эмоциональные проявления вроде гнева – признак незрелости. Добродетельным поведением считается не гнев и раздражение, а желание глубже заглянуть в суть вещей и подумать, как лучше поступить в

¹⁴ Асахару. – Прим. автора.

той или иной ситуации. Важно делать то, что тебе по силам и что имеет сейчас наибольшую ценность.

Все собрались обсудить, как вести себя дальше, и выработали генеральную линию: мы должны заниматься духовным тренингом. У нас не было трагического ощущения безвыходной ситуации, мы не чувствовали себя загнанными в угол. В братстве стояла тишина, как в оке тайфуна. Вокруг звон и грохот, но стоит сделать шаг, и попадаешь в мир, где царит полное спокойствие.

Подозрения, а вдруг это и в самом деле «Аум», появились у меня после того, как пошли аресты и признания. Я был давно знаком почти со всеми, кого арестовали. Узнав, что рассказали эти люди, я подумал: похоже, правда, раз они так говорят.

Впрочем, они это сделали или нет, для членов «Аум» такой вопрос не имел значения. Их больше волновало, не закроется ли для них дорога подвижничества. Вот что важно. А не то, лежит на «Аум» какая-то вина или нет.

Но догматы «Аум Синрикё» получили развитие, результатом которого стали преступления, смерть и страдания многих людей. Все это было заложено в них изначально. Как вы думаете?

Это совершенно другое дело. Тантра-Ваджраяна¹⁵. Ее

¹⁵ Или тантрический буддизм – направление буддизма, образовавшееся в V в.

практикуют только люди, достигшие высочайшей стадии. Нам все время твердили, что Ваджраяна открывается лишь тем, кто овладел Махаяной. Мы же стояли на много ступеней ниже. Поэтому у нас и в мыслях не было сомневаться в том, что мы делали. Даже после того происшествия.

Однако независимо от стадии, высокой или низкой, Ваджраяна – важное звено доктрины «Аум» и имеет большое значение, не так ли?

Может быть, и так, но для нас это все равно что рисовая лепешка на картине – далеко от того, что мы обычно делаем и думаем. Очень далеко. Чтобы достичь такого уровня, требуются десятки тысяч лет.

И поэтому вы считаете, что к вам это не имеет отношения? Но представьте, что вы поднялись на очень высокую ступень, до уровня Ваджраяны, и вам говорят, что для достижения нирваны нужно убить человека. Приказывают убить. Пошли бы вы на такое?

Логически все просто. Если, убив, ты поднял человека,

и утверждающее возможность достижения состояния Будды в земной жизни. Отличие от Махаяны – крупнейшего, наряду с Хинаяной, направления буддизма (его окончательное формирование относится к первым векам нашей эры) – состоит в том, что тантра предлагает более «скорый путь» к спасению, что некоторыми понимается как оправдание убийства как средства освобождения.

это для него большее счастье, чем жизнь. Такая логика мне понятна. Но этого не должны себе позволять люди, не обладающие способностью проникать в процессы переселения душ и возрождения. Не надо лезть в такие дела. Если бы я четко представлял, что происходит с людьми после смерти, мог помочь им возвыситься, может быть, тоже решился бы на такое. Но в «Аум» не было ни одного человека, кто дошел бы до этого уровня.

Однако нашлись пять человек, которые на это решились.

Это сделали они, но не я. Вот в чем разница. Я не дозрел до того, чтобы брать на себя ответственность за такие действия. Я боюсь, для меня это совершенно невозможно. Думаю, здесь не должно оставаться неясности. Человек, который не в состоянии отследить переселение души другого человека, не имеет права отнимать у него жизнь.

А Сёко Асахара имел?

Тогда, я думаю, имел.

И вы можете это как-то измерить? Объективно доказать?

Нет, сейчас не могу.

Значит, он подлежит суду по законам нашего общества, и какой бы ни был приговор, ничего сделать нельзя?

Да. Я не говорю, что все в «Аум» правильно. Но «Аум» несет в себе много ценного, и мне хочется это как-то использовать на благо обыкновенных людей.

Но если рассуждать с точки зрения элементарного здравого смысла, до того, как обыкновенным людям предоставили благо, совершилось преступление – этих самых людей взяли и убили. Как вы будете, не разобравшись внутри себя с тем, что произошло, убеждать, что в «Аум» есть и хорошее, говорить о какой-то пользе? Кто же вам поверит?

Вот почему я считаю, что нельзя больше преподносить «Аум» в нынешнем виде. Я остаюсь в братстве, потому что оно дало мне очень много. И до сих пор дает. Лично я пока с этим не разобрался. Мне кажется, еще остаются возможности. Может, здесь логика поставлена с ног на голову? И есть еще надежда? Вот я и пытаюсь четко отделить для себя то, что мне сейчас понятно, от непонятного.

Хочу подождать пару лет, и, если ситуация с «Аум» не изменится, я, наверное, оставлю братство. А пока надо многое обдумать. Но в одном «Аум Синрикё» точно впереди всех – из происходящего не делается никаких выводов. Что бы ни

говорили люди, никакой реакции – полная глухота. Никаких трагических ощущений. Вот как члены «Аум» говорят о за-риновой атаке: «Это сделали другие. Мы тут ни при чем».

Я же думаю иначе: то, что произошло в токийском метро, – ужасно. Такого делать нельзя. Во мне это страшное событие категорически не уживается с тем хорошим, что я испытал в братстве. Короче говоря, люди, у которых возобладало осознание плохого, уходят из «Аум», а те, в ком хорошее перевешивает плохое, остаются. Я же нахожусь как раз где-то посередине. Посмотрим, что будет дальше.

Что касается людей, на которых лежит это преступление, то до того, как совершить его, они тоже ведь жили и действовали, слушая слова Основателя, и получали от этого большую пользу. На этой стадии у них не было преступных побуждений. И может быть, они вырвались из этого состояния с мыслью, что продолжают движение по назначенному им пути.

Акио Намимура. Я планирую свою жизнь по пророчествам Нострадамуса

Родился в префектуре Фукуи. Отец работал в компании по производству цемента. Имеет старшего брата и младшую сестру. Хотел изучать литературу и религию, которые увлекли его в школе, но упрямый отец не принял его выбора. Они не смогли договориться. «Тогда буду работать», – сказал сын и, оставшись в городе Фукуи, устроился на фирму, торговавшую запчастями для автомобилей. В старших классах учился без всякого удовольствия, только книгами зачитывался – и полностью оторвался от действительности. Большинство книг были по религии и философии.

С тех пор не раз менял работу, но не прекращал много читать; размышлял, писал, продолжал интересоваться разными религиями. Через тридцать с лишним лет, прожитых на свете, пронес четкое убеждение, что он не создан для этого мира. Искал общее с людьми, которые так же, как и он, существовали, не смешиваясь с основным течением, и не признавали его ценностей. Хотя в своих поисках не мог избавиться от сомнений, что идет куда-то не туда, был не в состоянии целиком отдаться чему-то одному. Ничего не изменилось, даже когда он вступил в «Аум».

Сейчас он вернулся в родной город, работает в транспортной фирме. Давно влюблен в море и часто ходит купаться, как в прежние времена. Бредит Окинавой. Его доводят до слез фильмы Хаяо Миядзаки¹⁶. «Это доказывает, что во мне живут нормальные человеческие чувства», – говорит он.

После школы я не знал, что делать: уйти в отказ от мирской жизни или просто взять и умереть. Мысль о работе вызывала отвращение. Хотел посвятить себя религии, если представится возможность. Или миру будет лучше, если я умру? Ведь что такое жизнь? Накопление грехов, и только.

С этими мыслями я пришел на фирму по торговле запчастями. Меня поставили на продажу автомобильных шин, но на первых порах дело не клеилось. Явившись на автозаправку или в автомагазин, я с порога говорил: «Здравствуйте!» – и умолкал. Застывал на месте. Хотелось сквозь землю провалиться, да и потенциальные клиенты чувствовали себя не в своей тарелке. Так что поначалу ничего не получалось.

Но мне повезло – сослуживцы отнеслись ко мне по-доброму, старались подбодрить: мы, мол, тоже сначала двух слов связать не могли, но постепенно разговорились. Постепенно я привык, наловчился, и мало-помалу все наладилось. Я многому там научился. Отработал два года и ушел из-за того, что у меня отобрали водительские права. Не хотелось людей

¹⁶ Хаяо Миядзаки (р. 1941) – мастер японской мультипликации.

напрягать, и я уволился.

Как раз тогда один мой родственник из Токио организовал частную школу. Я решил с ним посоветоваться, что делать дальше, и он сказал: «Приезжай». Когда я заявил, что хотел бы стать писателем, в ответ услышал: «Будешь сочинения у школьников проверять. Для будущего писателя полезно».

Так в 1981 году я в первый раз приехал в Токио и стал работать в его школе в районе Ота. Но все оказалось совсем не так, как мы с ним условились. Родственник встретил меня холодно: «Писателем быть хочешь? Брось ты эти бредни. Посмотри вокруг. Жизнь-то – не сахар». К сочинениям меня не подпустили: «Куда тебе!» Пришлось заниматься всякой ерундой – следить за порядком, убирать классы и все в таком роде. Вообще-то мне понравилось с детьми возиться, но жить было тяжело – одна работа. Спал в сутки не больше двух-трех часов. И не только я один, такие драконовские порядки были для всех. Моего терпения хватило на полтора года. Я бросил это место.

После работы в Фукуи у меня оставались кое-какие сбережения. Я решил жить на эти деньги и готовиться к писательской карьере. Стал безработным. На три года. Жил максимум на пятьдесят тысяч иен¹⁷ в месяц. Кроме еды, больше ни на что не хватало. Хотя много денег мне и не требовалось.

¹⁷ 1 доллар США примерно равен 115 иенам.

Я только читал и писал. Еще мне повезло с районом, где я поселился. В округе было пять библиотек, где я свободно брал книги. Бегал трусцой в порядке тренировки – сегодня в одну библиотеку, завтра в другую. Жил одиноко, но это меня не особенно угнетало. Хотя большинство людей одиночество переносят с трудом.

В то время я много читал сюрреалистов – Кафку, «Надю»¹⁸... Посещал университетские фестивали, собирал там журнальчики и брошюры от разных студенческих обществ. У меня появились приятели, с которыми можно было поговорить о литературе. Один из них был с философского факультета университета Васэда. Он познакомил меня с Витгенштейном, Гуссерлем, Сю Кисида, Кацуити Хонда¹⁹. Мне очень нравились трогательные истории, которые писал этот парень. Сейчас, правда, я вижу, что это было голое подражание Ютака Хания²⁰.

¹⁸ Франц Кафка (1883–1924) – австрийский писатель. «Надя» (1928) – лирическая повесть Андре Бретона (1896–1966), французского поэта и теоретика литературы, одного из основоположников сюрреализма.

¹⁹ Людвиг Витгенштейн (1889–1951) – австрийский философ и логик. Эдмунд Гуссерль (1859–1938) – немецкий философ, основатель феноменологии. Сю Кисида (р. 1933) – японский психоаналитик и философ. Кацуити Хонда (р. 1933) – японский журналист, вскрывший множество фактов, имеющих отношение к преступлениям, совершенным японскими оккупационными войсками в Китае, в частности – к «нанкинской резне» 1937 года, когда были убиты десятки тысяч мирных жителей.

²⁰ Ютака Хания (1909–1997) – японский писатель, первым отметивший талант Кобо Абэ.

У моего знакомого был друг по имени Цуда, член «Сока гаккай»²¹, который изо всех сил старался затянуть меня в свою организацию. Мы с ним много спорили о религии, пока он не заявил: «От разговоров ничего не изменится. Ты думаешь, я тебя обманываю. Попробуй сам – человек совсем другим становится». Я попробовал, пожил с ними с месяц и понял, что это не мое. Их религия помогает людям добиться успеха в этом мире. Меня влекло более чистое учение. Вроде «Аум». Мне казалось, что «Аум» стоит ближе к истокам буддизма.

Когда деньги кончились, я пошел грузчиком в транспортную фирму, обслуживавшую универмаги «Сэйбу». Два года отпахал в «Сэйбу», что в Икэбукуро. Работа, конечно, была тяжелая, хотя я давно увлекался боевыми искусствами, закалял тело и физического труда не боялся. Меня приняли на повременку, так что платили мало, но я работал за троих. Мышцы нарастил – будь здоров. После работы ходил еще на занятия в вечернюю журналистскую школу. Думал научиться писать репортажи и все такое. Как Сатоси Камата²².

Но к тому времени я уже начал уставать от жизни в Токио.

²¹ «Общество создания ценностей» – влиятельная буддистская организация, в основе идеологии которой лежит модифицированное учение религиозного деятеля XIII в. Нитирэна. В Японии у «Сока гаккай» свыше десяти миллионов последователей.

²² Сатоси Камата (р. 1938) – японский журналист. Работал корреспондентом «Нью-Йорк таймс» в Токио.

Чувствовал, что грубею здесь душой. Становлюсь жестоким, раздражительным. В то время у меня проснулся интерес к экологии, и я стал подумывать о том, не вернуться ли мне в родные места, поближе к природе. Со мной всегда так – стоит чем-то загореться, и уже ничто меня не остановит. Характер такой. Тогда это была экология. Так или иначе, асфальтовые джунгли вытягивали силы. Нестерпимо тянуло домой, на океан взглянуть. Океан я обожал с детства.

В общем, вернулся в родные пенаты и пошел на строительство атомного реактора на быстрых нейтронах «Мондзю». Верхолазом. На эту свою работу я тоже смотрел как на тренировку, хотя занятие очень опасное. Со временем к высоте в какой-то степени привыкаешь, но опасность остается. Я несколько раз падал, едва не погиб. Сколько же я там проработал? С год, наверное. Со строительной площадки открывался великолепный вид – океан лежал как на ладони. Я еще из-за этого выбрал эту работу. Чтобы видеть океан. Там он действительно потрясающе красив. Красивее места в округе не найдешь.

Но хорошо ли человеку, который хотел охранять природу, работать на атомной станции?

Вообще-то я собирался написать об этом репортаж. Думал, если напишу, то с меня спишется, что я строил эту станцию. А может, утешал себя этим. Вы «Мост через ре-

ку Квай»²³ смотрели? У меня была примерно такая же идея. Человек что-то делает, кладет все силы, а под конец сам же это разрушает. Бомбу закладывать я, конечно, не собирался, но как сказать... Раз все равно изгадят мой любимый океан, пусть уж лучше я это своими руками сделаю. Вот какое у меня было состояние. В душе творилось бог весть что.

Прошел год. Я расстался с «Мондзю» и махнул на Окинаву. Купил на заработанные деньги подержанную тачку, заехал на паром... На Окинаве жил в машине, беззаботно переезжал с одного пляжа на другой. За два месяца такой жизни я влюбился в местную природу. Там такой океан... Везде разный. У каждого уголка побережья свое лицо. Очень замысловатое. Я наслаждался этими видами. Полюбил вместе с природой окинавцев, их культуру. Каждое лето у меня начиналось что-то вроде «окинавской лихорадки», нападала охота к перемене мест. И я уезжал на Окинаву. Из-за этого ни на одной работе не получалось задержаться надолго. Приходило лето, и я тут же, никому ничего не говоря, снимался с места и отправлялся на Окинаву.

Пока я вкалывал на стройке и разъезжал по Окинаве, умер отец. Это было в феврале 90-го года, перед моим тридцатилетием. Знаете, отца в нашей семье никто не любил. Люди считали его хорошим человеком, но в домашнем кругу это

²³ Фильм (1957) британского режиссера и сценариста Дэвида Лина о военнопленных в японском концлагере, которые в финале картины разрушают возводимый ими по приказу японцев стратегический мост через реку.

был настоящий тиран, он заставлял всех плясать под свою дудку. Напивался и становился буйным. В детстве мне от него не раз доставалось. Но со временем я окреп и, не дожидаясь, бил первым. Сейчас мне стыдно об этом вспомнить. Сын должен быть почтительнее к отцу.

Отец занимал руководящий пост в местной организации компартии. Нравы в Фукуи консервативные, и если у тебя такой отец, нормальную работу найти шансов мало. Я, к примеру, хотел стать учителем, но, наслушавшись разговоров, что с отцом-коммунистом рассчитывать не на что, в педагогический колледж решил не соваться. Все время злился на отца, что он в компартии. То есть я его за характер ненавидел, но идейная почва тоже имела большое значение. Меня всегда тянуло к религии, но отец... Он был материалист и рационалист. Из-за этого у нас постоянно возникали конфликты. Стоило мне заикнуться о религии, как он тут же мне рот затыкал: «Чтоб я этой религиозной дури больше не слышал!» Прямо кипел от злости. Меня это очень угнетало. Почему он себе такое позволяет? Почему ему плевать на все, что бы я ни делал и ни говорил?

Когда отцу стало плохо, я был на Окинаве. Я тут же рванул в Фукуи и еще застал его живым. Он умер от алкоголизма, от цирроза печени, ужасно мучился. Под конец уже ничего не ел, только все время прикладывался к бутылке. Исхудал страшно. По сути, сам себя на тот свет отправил. Он лежал в постели и сказал мне: «Ну что? Потолкуем?» А я ему: «Зна-

ешь, умирал бы ты лучше». В каком-то смысле, может, я его убил.

После похорон и поминок я вернулся на Окинаву и стал работать на стройке. Но расставание с родными не прошло просто так – накатила жуткая тоска. Смерть отца я встретил спокойно. Словно ничего не случилось. Семья собралась, нам было хорошо вместе. Но на Окинаве со мной вдруг случился срыв. Как будто меня живьем затащили в преисподнюю: «Все! Конец! Мне отсюда не выбраться!» Я перестал есть, нервы стали совсем никуда. Депрессия. Нервная депрессия в тяжелой форме. У меня ехала крыша, и я это понимал. В дождь, когда работа останавливалась, я целый день валялся на кровати, накрывшись с головой. Все шли играть в патинко²⁴, оставляя меня одного. Люди говорили теплые слова, стараясь меня подбодрить, и я был им очень благодарен, но от их сочувствия легче не становилось.

Как-то я проснулся в три часа ночи в ужасном состоянии и подумал: «Вот оно, конец!» Казалось, я схожу с ума, сейчас потеряю сознание. И тут же позвонил матери. Она сказала, чтобы я немедленно возвращался домой. Но и в Фукуи моя душевная болезнь не прошла. Она засела глубоко и отступать не собиралась. Целый месяц я просидел дома, ничего не делая.

²⁴ Игровые салоны с автоматами наподобие китайского бильярда, где японцы любят проводить свободное время.

А спасла меня окинавская шаманка – *юта*... Знаете, я читал книгу «Птица-молния: приключения в Африке» Лайалла Уотсона²⁵. Она произвела на меня сильное впечатление.

Интересная, верно?

Ведь в ней главный герой – Бошье – тоже эпилептик и шизофреник. Но повстречавшись с Учителем, этот душевнобольной человек проходит у него учебу и становится колдуном. Иначе говоря, находит возможность превратить свои минусы в плюсы. И люди его зауважали. Я читал и думал: «Ведь это же про меня!» Занялся этим вопросом, и выяснилось, что о *юта* писали абсолютно то же самое. На Окинаве еще оставался такой путь к спасению. «А может, и я смогу стать *юта*? Вдруг у меня есть способности?» Так я нашел выход из тупика.

Я поехал на Окинаву и смог попасть к одной знаменитой *юта*. Нас собралось несколько десятков человек, но из этой толпы она вызвала меня одного и проговорила: «Тебя что-то мучает». Читала у меня в душе, как в раскрытой книге. «Это все из-за отца. Ты привязан к нему. Надо порвать эту связь. Забудь о нем и сделай шаг в новом направлении. Побойсь о матери, если она жива. Живи как все люди. Это

²⁵ Лайалл Уотсон (р. 1939) – южноафриканский ученый и писатель. Автор многих книг, в которых предпринимаются попытки объяснить биологическую природу естественных и сверхъестественных явлений.

самое главное». От этих слов у меня как камень с души свалился: «Ура! Я спасен!» Я уже долго работаю в одной и той же фирме. На Окиनावу летом не уезжаю. Решил заботиться о матери и нормально работать, не бегая с места на место.

Да... Эдриан Бошье должен был уйти «на ту сторону». Ему ничего другого не оставалось. В вашем же случае сохранилась возможность вернуться в этот мир, и вам было сказано, что лучше вернуться.

Да, именно так. Женись, расти детей. Это и будет твоя духовная практика. Самая серьезная. Вот что она сказала.

Я довольно давно слежу за разными направлениями в религии. Так сказать, вытягиваю антенну и ловлю волны. Мне далеко не безразлично христианство; о связи с «Сока гаккай» я уже рассказывал. В христианских церквях и сейчас бываю. Так что, говоря о том, что было в жизни, «Аум» – лишь маленькая часть. И все же «Аум» дал мне сильнейший толчок. Вот какой мощью обладала эта организация.

В 1987 году, когда «Аум» только появилась, я написал им письмо и попросил прислать какие-нибудь информационные материалы. В ответ пришла целая кипа великолепно изданных буклетов. Я был поражен: откуда у только что появившейся на свет религиозной организации деньги, чтобы печатать такую роскошь?

В Фукуи филиала «Аум» еще не было, зато они уже обосновались по соседству – в городе Сабаэ. Там раз в неделю члены «Аум» собирались на квартире у человека по имени Омори. Как-то позвали и меня, и я стал регулярно посещать эти собрания. Мне дали посмотреть видеозапись телешоу «Ночного живого телевидения» с сюжетом, посвященным «Аум». Я был под впечатлением. Дзёю говорил блестяще. Замечательно! Он рассказывал, как члены «Аум» на основе примитивного буддизма через духовную практику достигали состояния кундалини²⁶. Ясно и четко отвечал на любые вопросы. «Вот это да! Вот это человек!»

Все, кто тогда собрался, – человек пять-шесть, – были членами «Аум». Кроме меня. Я просто пришел посмотреть. Сделать шаг дальше помешал чисто практический вопрос – деньги. За членство в «Аум» приходилось платить. Триста тысяч иен. То есть у них был такой курс – десять кассет. За триста тысяч. Кассеты с записями проповедей Учителя Асахары и потому – очень эффективные. Подумаешь, двести-триста тысяч. Разве это плата за обретение силы, думали все и, не раздумывая, несли деньги. А я побоялся. Возможно, из-за того, что приходилось экономить каждый грош, все воспринималось особенно остро.

Сёко Асахару я впервые увидел в Нагое. Мы приехали ту-

²⁶ Кундалини (от *санскр.* змея) в буддийской философии – энергия сознания, которая, как считается, покоится в спящем теле и пробуждается либо через соблюдение духовной дисциплины, либо неожиданно, и открывает новые состояния сознания.

да на автобусе. Мне предложили, и я поехал – это дело меня заинтересовало. Членом «Аум» я еще не был, поэтому спрашивать что-то у Асахары не разрешалось. В «Аум» такой порядок: если хочешь чего-то добиться, надо, чтоб был рост, а для этого нужны деньги. По достижении определенного уровня человеку предоставлялось право задавать Асахаре вопросы. При подъеме еще на ступеньку ему вручалась цветочная гирлянда. Я сам видел эту церемонию в Нагое, и мне она показалась каким-то глупым ребячеством. А сам Асахара быстро превращался в объект преклонения, и это мне совсем не нравилось.

С самого первого номера я регулярно читал «аумовский» журнал «Махаяна». Поначалу он мне нравился. В нем очень много внимания уделялось личному опыту последователей «Аум», печатались истории о том, как реальные люди с конкретными именами приходят в «Аум Синрикё». Их искренность производила на меня сильное впечатление. За это я и любил журнал. Однако постепенно рассказы о людях исчезли, остался один Асахара. Его превозносили все выше, все стали ему поклоняться. Например, его почитатели расстилали перед ним свою одежду, и он шагал по ней. Это уже перебор, по-моему. Синъити Накадзава²⁷ писал: «Если религиозная организация заманивает верующих, религии, которую они исповедуют, – конец». Думаю, так оно и есть. Это страшно, когда начинают боготворить одного человека. Здесь сво-

²⁷ Синъити Накадзава (р. 1950) – японский теолог и писатель.

боды уже быть не может. Вдобавок ко всему Сёко Асахара женат, у него много детей. Как-то не вяжется это с буддистским учением. Асахара изворачивался, говоря, что достиг «окончательного освобождения»²⁸ и поэтому такие «мелочи» на его карму не повлияют. Но кто мог знать, озарило его на самом деле «окончательное освобождение» или нет? Никто.

Я без колебаний делился своими сомнениями с окружающими. Члены «Аум» часто погибали в автомобильных катастрофах. Здесь что-то не так, подумал я и решил поинтересоваться у одной девушки из «Аум», которую хорошо знал, что она об этом думает. Ее звали Такахаси. «Тебе это противоестественным не кажется? Столько смертей...» – «Нет, – отвечала она, – это нормально. Все равно через четыре миллиарда лет Учитель возродится как Бодисатва Майтрея²⁹ и воскресит души тех, кто умер сейчас». Полная чушь! Еще «Аум» резко нападала на редактора журнала «Санди Майнити» Таро Маки, выступавшего с критикой братства. Когда я спросил, зачем это делается, в ответ услышал: «Кто бы на

²⁸ Имеется в виду ключевое понятие в религиозно-философских учениях Индии, означающее высшую цель человеческого существования, освобождение от всех страданий и круговорота рождений и смерти. Синоним нирваны.

²⁹ Бодисатва (Бодхисаттва) – в буддийской мифологии и философии человек, решивший выйти из круга перерождений и достичь состояния будды. В Хиньяне путь Бодисатвы прошли только будды уже закончившихся мировых периодов (разные школы называют разное число таких будд – от 5 до 24), а также будда нынешнего мирового периода – Шакьямуни и будда будущего – Майтрея.

нас ни нападал, что бы с нами ни происходило, людям, которым каким-то образом удалось установить в этом мире связь с Учителем, необыкновенно повезло. Потому что если даже они провалятся в преисподнюю, он их потом оттуда вытащит».

Из-за этого я долго сохранял дистанцию в отношениях с «Аум Синрикё», держался от них на расстоянии. Но как-то раз, в 1993 году, ко мне домой на машине с номерами префектуры Сидзуока нагрянул «аумовец» по имени Китаamura. Позвонил по телефону, сказал, есть разговор. У меня не было контактов с «Аум» какое-то время, и мне захотелось узнать, что у них новенького. Однако чем дольше я его слушал, тем бредовее становились его рассуждения. Это были какие-то научно-фантастические судороги – третья мировая война, лазерное, плазменное оружие... Я слушал с интересом, но у меня сложилось впечатление, что дело идет к чему-то очень серьезному.

Тогда «аумовцы» сильно давили на меня, стараясь втянуть в свою организацию. В конце концов я согласился, и причиной стала та самая девушка, Такахаси, о которой я уже говорил. У меня как раз умерла бабушка, я очень переживал ее смерть, и как раз в это время Такахаси позвонила и предложила: «Я тоже совсем недавно вступила в «Аум». Давай обсудим это дело». Так мы встретились. Она была на шесть лет моложе меня. Сколько же ей было в то время? Двадцать

семь. Нашу встречу я воспринял как своего рода знак судьбы. Такой же, как смерть отца. Я нутром это чувствовал. С тех пор мы сблизились с Такахаси, стали делиться друг с другом самым сокровенным. И в апреле 1994 года я стал членом «Аум».

Здесь, вероятно, сыграла свою роль смерть бабушки. Кроме того, на фирме, где я работал, дела пошли плохо, начались увольнения. В придачу ко всему я так и не избавился до конца от своего душевного недуга и надеялся, вступив в «Аум», разобраться с ним раз и навсегда.

Еще у меня из головы не выходила Такахаси. Я не имею в виду любовь и все такое. Но я очень беспокоился за нее. Она втянулась в «Аум» с головой, но было ли ей на пользу столь глубокое погружение? Я относился к «Аум» скептически и решил, что нужно поделиться с Такахаси сомнениями. Быстрее всего это можно было сделать, вступив в «Аум». Это позволяло свободно встречаться и разговаривать с ней. Хотя, возможно, эти мои рассуждения покажутся несколько приукрашенными.

К счастью, к тому времени для вступления уже надо было платить гораздо меньше, чем прежде, – десять тысяч иен. Членский взнос за полгода – шесть тысяч. И десять аудиокассет бесплатно. Чтобы пройти обряд посвящения, требовалось просмотреть девяносто семь «аумовских» видеофильмов и прочитать семьдесят семь книг. Неслабо, правда? Тем не менее с этим заданием я справился. Под конец следует

чтение мантр. Держишь перед собой листок, на котором отпечатана мантра, и твердишь ее снова и снова, щелкая каждый раз счетчиком. Вот почему все члены «Аум» со счетчиками ходят. Мантру нужно повторить семь тысяч раз. Это такая норма для неофитов. Я попробовал, но до конца читать не стал – глупость полная! То же самое, что у «Сока гаккай» во время богослужения.

«Аумовцы» настойчиво уговаривали меня отречься от мирской жизни и уйти в секту. В тот период их организация, стремясь расширить свои ряды, отчаянно боролась за каждого человека. Их даже не смущало, что я еще не прошел обряд посвящения. Но я не поддавался. А Такахаси все-таки уступила в конце года. Позвонила 20 декабря мне на работу и сказала: «Я ухожу». Это был наш последний разговор. Она ушла, скрылась в неизвестном направлении.

Зариновая атака случилась, когда я уже в какой-то степени отошел от «Аум». Я даже пытался убедить одного человека, которого Такахаси настойчиво обращала в свою веру, не вступать в секту. О моем критическом отношении к действиям «Аум» знали все, но связь с «аумовцами» была налицо, поэтому в мае 1995 года меня задержали и стали допрашивать. К тому времени полиция уже все знала о членах «Аум». Может быть, у них на руках были списки. Методы следствия у них еще те... совершенно допотопные. Требовали, чтобы я растоптал фотографию Сёко Асахары. Совсем как во време-

на Эдо, когда христиан заставляли попирать ногами изображения Иисуса или девы Марии³⁰. Так что я на себе испытал, какого страха может нагнать на человека полиция.

В 1995 году мне еще не раз приходилось иметь дело с полицией. Когда на Хоккайдо был захвачен пассажирский самолет «Дзэнникку»³¹, от меня добивались, не знаю ли я чего об этом происшествии. Полиция наведывалась постоянно, преследуя меня, как маньяк женщину. Кто-то не спускал с меня глаз, что бы я ни делал. Ощущение не из приятных, скажу я вам. Вообще-то долг полиции – защита граждан, но в моем случае вышло наоборот – они запугивали меня, хотя я не совершил ничего дурного. Тревога не отпускала – арестовать могли в любой момент. В то время «аумовцев» хватили без разбора за самую незначительную провинность. Сфабриковать можно было любое обвинение – в подделке подписи или печати на документах, в чем угодно. Мне тоже запросто могли припаять что-то в этом духе.

Телефон звонил не переставая: «Не выходил ли на связь кто-нибудь из «аумовцев»?» Надо было бы сидеть на месте, а я по глупости – разбирало любопытство: что же происходит в «Аум»? – поехал в Осаку, в местную «аумовскую» общину, чтобы расспросить одну знакомую женщину-самана о

³⁰ Имеется в виду преследование христиан в Японии в первой половине XVII в. В 1639 г. японские власти наложили полный запрет на исповедование христианства, действовавший до середины XIX в.

³¹ Японское сокращенное название авиакомпании «Всеяпонские авиалинии» (All Nippon Airways, ANA).

том, как им живется под жестким полицейским контролем. В общине я захватил «аумовский» журнал «Высшая истина». Прикупил несколько штук. Издаваемых «Аум» книг и журналов в книжных магазинах уже было не достать, но мне хотелось узнать, что они пишут. На выходе меня остановили двое полицейских и стали допытываться, что я там делал. Полиция достала меня своей слежкой, надоела смертельно, так что я кое-как от них отбилась и убежал. В результате надзор за мной стал еще жестче.

Вы не думали тогда, что зариновая атака – дело рук «Аум»?

Думал. Я был уверен, что это они, и все же никак не мог справиться с любопытством, желая понять, в чем сущность этой религиозной организации, которая восстановила против себя общество, чьи книги не берет ни один магазин и которая, несмотря ни на что, всю издаст свои журналы. Организации, обладающей непонятной для меня жизненной силой и всякий раз возвращающейся к жизни, сколько бы ни пытались ее сокрушить. Что кроется за всем этим? О чем на самом деле думают последователи «Аум»? Вот в чем хотелось разобраться. Выяснить с точки зрения журналиста. Потому что телевидение совершенно этого не касается.

А как вы лично относитесь к тому, что произошло в то-

кийском метро?

Это абсолютно недопустимая и непростительная вещь. Тут нет никаких сомнений. Однако нужно разделять Сёко Асахару и рядовых членов секты. Ведь не все же они – преступники. Среди них есть люди с душой по-настоящему чистой. Я знаю много таких и им сочувствую. В «Аум» оказались люди, которым не нашлось места в обществе, не прижившиеся в системе или те, кого она отторгла. И мне нравятся эти люди. Я легко схожусь с ними. Они гораздо ближе мне, чем те, кто сумел ловко приспособиться к жизни. Я считаю, что виноват во всем Сёко Асахара. Он один. Все зло в нем. И он очень силен. Чрезвычайно.

Это покажется странным, но частое общение с полицейскими привело к тому, что у меня с ними сложились добрые отношения. Сперва я их боялся, мне становилось жутко при их появлении. Но постепенно у меня возникло что-то вроде дружеского чувства к ним. Видели фильм «Каспер»?³² Помните там вредные привидения? Жутковатые поначалу, но потом с ними как-то срастаешься. С полицией у меня получилось то же самое. Они интересовались, не получаю ли я от «Аум» каких-нибудь посылок по почте. Я сказал: вот,

³² Детская кинокомедия о старомодных привидениях, живущих в нашем компьютерном времени, снятая в 1995 г. американским режиссером Брэдом Силберлингом. Главный герой фильма – созданное средствами мультипликации маленькое дружелюбное привидение по имени Каспер.

присылали то-то и то-то, и показал им все. С тех пор полиция стала ко мне добрее, и я понял, что и в этой организации есть люди чистые и честные. Они выполняют свою работу, делают что могут. И если обращаются ко мне с какой-то просьбой, имея на то основания, – считаю, не реагировать нельзя. На доброе отношение полагается отвечать тем же.

На Новый год я получил поздравительную открытку от матери Такахаси. «Мы ошибались во всем», – писала она. Дело в том, что эта женщина поначалу сама была горячей последовательницей «Аум». Прошла обряд посвящения. И я подумал, что надо непременно встретиться с Такахаси. Мне так много хотелось с ней обсудить. Я сообщил об этом полиции, сказал, что собираюсь с ней связаться, и даже показал новогоднюю открытку.

По всей вероятности, тут им и пришло в голову сделать из меня своего шпиона. Меня вызвали в полицейское управление и сделали предложение. Сейчас уже не помню, использовалось ли в разговоре это слово – «шпион», но имелось в виду именно это. Иначе говоря, они спросили, не соглашусь ли я информировать их о том, что происходит в «Аум». Естественно, идея превратиться в шпиона меня не прельщала. Мне только хотелось оказаться рядом с «аумовцами». Но, как говорится, сказал «а» – говори и «б». Я подумал: раз уж сдружился с полицией – вперед! Попробуем.

Вообще-то я – человек настроения. Одиночка, не имеющий друзей. Заурядный тип, который на работе на по-

следних ролях и на которого всегда орут. Всерьез меня никто не воспринимает. Поэтому, когда полицейские искренне попросили постараться, чтобы раздобыть для них какую-нибудь информацию, я страшно обрадовался. Наконец-то представится возможность пообщаться с людьми! Пусть и благодаря полиции. В фирме, где я работал, у меня не было ни единого приятеля, с коллегами мы едва обменивались несколькими фразами. Все знакомства в «Аум» я потерял, Такахаси ушла в секту и пропала. И я решил: «Если ненадолго, соглашусь, пожалуй». Так и сказал полиции. Эх, не надо было этого делать!

Вам что-нибудь это дало? Я имею в виду связь с полицией?

Единственное, к чему я стремился, – отыскать Такахаси, вернуть ее. Не как полицейский шпион. Я лишь хотел вступить с «аумовцами» в контакт. Но я боялся: ведь стоило мне сделать шаг без сотрудничества с полицией, они бы подумали, что я – человек «Аум», и сделали из меня преступника. А имея их за спиной, действовать было бы легче. Еще я надеялся, что мне удастся уговорить кого-то из членов секты расстаться с «Аум». Хотя все это, наверное, хитрость, ловкачество. Как думаете?

Ловкачество? Не знаю. Это очень непростой разговор.

Да уж... Но нельзя же было оставлять все как есть. Я переживал за Такахаси. Ни о чем другом думать не мог. Ничего не делать? Но тогда ее тоже могут в чем-нибудь обвинить, выставить преступницей. Надо попытаться убедить Такахаси, но сначала надо ее найти, а как? Я надеялся получить информацию о ней через полицию. Однако так ничего и не узнал. Все время спрашивал о ней, но они так и не смогли выйти на ее след. Известно было лишь одно – она все еще в секте. Хотя, может, они что-то и знали, но мне не рассказывали.

Так или иначе, но мое внедрение в «Аум» так и не состоялось. Как раз в это время закрыли отделения секты в городах Фукуи и Канадзаве. То есть в Хокуруку³³ «Аум» была разгромлена, и план как-то использовать меня потерял всякий смысл.

В общем, для вас все закончилось благополучно. Кстати, вы предсказаниями Нострадамуса интересуетесь?

Очень даже. Мне сейчас³⁴ тридцать шесть, и на наше поколение Нострадамус оказал огромное влияние. Я, например,

³³ Экономический район Японии, в который входят префектуры средней части западного побережья острова Хонсю, в том числе Фукуи и Исикава (административный центр – г. Канадзава).

³⁴ На время беседы. – Прим. автора.

планирую свою жизнь по его пророчествам. Меня все время тянет покончить с собой. Я хочу умереть. Прямо сейчас. Но конец наступит только через два года, так что надо терпеть. Желая своими глазами увидеть, что будет перед финалом. Поэтому, наверное, у меня такой интерес к религиям, предрекающим конец света. Кроме «Аум», у меня были контакты со «свидетелями Иеговы». Хотя, конечно, они несут полную чепуху.

Что вы подразумеваете под «концом»? Что существующая сейчас система пойдет к черту?

Я имею в виду перезапуск. Желание нажать на кнопку перезапуска человеческой жизни. Мне представляется, что это будет катарсис и душевное успокоение.

На днях мне попала одна книжка. Авторы опрашивали школьников начальных классов о том, как они относятся к Цутому Миядзаки³⁵. Так вот один ученик заявил: «Этот Миядзаки умный. Он знал, что людям надо, вот и думал, что ему все можно». Меня поразило, что у ребенка могут быть такие мысли. На мой взгляд, многие в глубине души считают, что этому миру скоро придет конец. Особенно молодежь. Даже дети.

³⁵ Серийный убийца и маньяк, действовавший в Японии в конце 80-х гг. Похитил и зверски убил четырех девочек в возрасте 4–7 лет. В 1997 г. приговорен судом к смертной казни. В январе 2006 г. Верховный суд Японии окончательно отклонил апелляции Миядзаки с просьбой о смягчении приговора.

Тамон Тэрахата. Для меня Учитель был человеком, окончательно разрешившим мои сомнения

Тэрахата по-прежнему является активным членом «Аум Синрикё». Вместе с несколькими другими «аумовцами» живет в Токио в двухэтажном «апато»³⁶. В подавляющем большинстве людям из «Аум» отказываются сдавать жилье, когда узнают, что они связаны с сектой, однако владелец дома, где поселился Тэрахата, оказался понимающим человеком: «Хорошо, раз вам больше некуда податься, а возвращаться к нормальной жизни надо, живите здесь». Похоже, стоит только члену «Аум» поселиться где-нибудь, там начинают плодиться тараканы. Во всяком случае, во время нашей беседы они бегали по татами в изрядном количестве. Домовладельца, наверное, это не радовало. Что касается соседей, то, зная, кто живет с ними рядом, они все еще косо поглядывают на «аумовцев».

Родился на Хоккайдо. Отец состоял на государственной службе, и семья (в ней был еще один ребенок – младший брат Тэрахаты) часто переезжала с места на место. Внешне Тэрахата рос самым обыкновенным мальчишкой, но, по его

³⁶ Многоквартирный жилой дом или жилье более низкого класса с отдельными комнатами, общей кухней и санузлом (от *англ.* apartment).

словам, с самого детства начал задумываться над смыслом жизни. Это свойственно многим членам «Аум». В идейных исканиях проделал путь от философии к буддизму, затем заинтересовался эзотерическим буддизмом Тибета и «Аум Синрикё». Стал учителем начальных и средних классов, но в тридцать четыре года ушел в секту. Когда была совершена газовая атака в токийской подземке, состоял в «аумовском» Министерстве обороны, где занимался обслуживанием «космоочистителей»³⁷.

Сейчас живет за счет частных уроков – занимается с кем-то раз в неделю. Жить, конечно, тяжело. «Не порекомендуете мне какого-нибудь ученика?» – спрашивает он с улыбкой. Очень серьезный, спокойный человек и, как мне думается, хороший учитель. Когда он говорит о своих учениках – детях членов «Аум», его лицо светлеет.

В его комнате устроен маленький алтарь с фотографиями «основателя Асахары» и «гуру Ринпоче»³⁸ (старший сын Асахары, который после его ареста был провозглашен «новым Учителем»).

Школьные годы я провел на Хоккайдо, там же окончил

³⁷ Сконструированные работавшими в «Аум» техническими специалистами устройства для фильтрации воздуха, которые предполагалось использовать в планировавшейся руководителями секты химической войне. Название устройств позаимствовано из популярного фантастического мультсериала «Космический линкор Ямато».

³⁸ В буддизме – почетный титул, означающий «драгоценный».

колледж. Не скажу, что мне сильно хотелось стать учителем, но моя мама говорила, что больше из меня ничего не получится (*смеется*). В колледж поступил только через два года после окончания школы. Год у меня были проблемы со здоровьем. Я переживал какую-то внутреннюю философскую коллизию, чувствовал неудовлетворенность собой. Пошел провериться в больницу, и оказалось, что у меня давление сто восемьдесят. Стал лечиться дома, пить лекарства от давления. Я люблю подумать, покопаться в себе. Такой характер. Очень восприимчивый к тому, что происходит вокруг. А философская коллизия – это вот что: ты знаешь, что надо делать и как, и при этом понимаешь, что не сможешь. И начинаешь сам себя ненавидеть. Хотя сейчас я думаю, что это все юношеский максимализм.

В колледже я специализировался на учебном процессе в начальных классах с упором на образовательную психологию. Начальную школу я выбрал потому, что люблю детей. В то же время во мне жил тот же самый вопрос, решить который мне было не под силу: как жить? И я подумал: ведь у детей, пожалуй, тоже есть чему поучиться. Буду учить и учиться одновременно.

По окончании колледжа я устроился на работу в одну школу в префектуре Канагава. Предложили на выбор два варианта – Тибу и Канагаву. Меня устраивал любой, и я сказал: «Пусть будет Канагава». С Хоккайдо расстался без проблем – привык к переездам. А друзей можно завести везде. Школа

находилась в городке ***. Деревня, в общем.

Мне в первый же год дали вести класс. Я начал со второго, потом были третий, пятый, шестой³⁹. По сорок человек в классе. Поначалу было ужасно трудно. Как во сне. Самое первое, что мне запомнилось, – я впервые вхожу в школу и слышу голоса: «Учитель! Новый классный идет!» Все ребята вытянулись – вот так! «Сэнсэй, сэнсэй! Смотрите, как я бегаю! Быстрее всех!» – «Смотрю!» Говоривший пулей срывается с места, ударяется о стену и ревет. Так начался мой первый день. Сразу с медицинского кабинета.

Но я полюбил свое дело. Это такое удовольствие – учить детей. Я проработал учителем десять лет, и лучше всего было с пятым и шестым классом. У меня сложились замечательные отношения с родителями моих учеников. Иногда мы собирались вместе попеть, попробовать приготовленные дома сладости. С коллегами тоже особых проблем не было. Хотя, возможно, тогда я на многое смотрел сквозь пальцы. По молодости.

Несколько раз меня пытались женить. Родители старались. И действительно, одно время я даже с кем-то встречался. Но в глубине души все время сидела мысль, что когда-нибудь я отойду от мира...

То есть вы уже задумывались об этом?

³⁹ В японской начальной школе учатся шесть лет.

Да. Еще до того, как узнал об «Аум». Я представлял тогда, что в шестьдесят лет выйду на пенсию и буду жить тихонько в стороне от мирской суеты.

В колледже я был большим поклонником Ницше и Кьеркегора⁴⁰, но постепенно меня захватила восточная мысль, особенно дзэн. Я прочел много книг о дзэне, стал самостоятельно заниматься дома. Практиковал так называемый «дзэн полевой лисицы»⁴¹. Однако мне трудно было принять аскетизм, присущий дзэн-буддизму. Далее – как раз с того времени, как я поступил на работу, – меня заинтересовала школа Сингон⁴², прежде всего – фигура Кукая. Поднимался на гору Коя, летом, в отпуск, совершил паломничество на Сикоку, посетил храм Тодзи⁴³ в Киото...

В Японии к буддизму относятся несерьезно, часто олицетворяя его с похоронами, траурными церемониями. Но на него надо смотреть совершенно иначе – как на явление, которое пережило века, вынесло бури и невзгоды. Я полагал, что внутри этой традиции должно найтись место, где испо-

⁴⁰ Фридрих Ницше (1844–1900) – немецкий философ, представитель философии жизни. Сёрен Кьеркегор (1813–1855) – датский теолог, философ, писатель.

⁴¹ Одна из «несерьезных» духовных практик, применяемых на начальных стадиях постижения дзэн-буддизма.

⁴² Школа японского буддизма, которую в начале IX в. основал монах Кукай. Имеет много общего с индуизмом и тибетским буддизмом. В современной школе Сингон свыше 45 организаций с числом верующих около 16 млн. Крупнейшая из них – «Школа истинных слов Будды на горе Коя» – насчитывает 5,5 млн. человек.

⁴³ Признан в Японии одним из десяти самых знаменитых монастырей и храмов секты дзэн.

ведуют настоящий буддизм. Новые религии не особенно меня привлекали. Какими соблазнительными ни казались они, им всего-навсего тридцать или сорок лет. Вот почему я сохранял верность Сингон.

После того как я проработал четыре года с начальными классами, мне неожиданно предложили перевестись в среднюю школу. В том же городке. Она стояла как раз напротив. Два здания разделяла спортивная площадка. Вообще-то я предпочел бы остаться на старом месте, но как раз в это время начальная школа начала хиреть – учеников становилось все меньше, а средняя, наоборот, разрасталась. Я получил диплом «естественника», так что с точки зрения квалификации вопросов не было, хотя методика преподавания в начальных и средних классах отличается. Из-за этого пришлось порядком помучиться. Вдобавок ко всему мои шестиклассники, которых я учил, окончили начальную школу и перешли в среднюю. Опять стали моими учениками.

С ними было много хлопот. Потому что все они знали, как я их учил, знали, чего я стою. Вот в чем загвоздка! Они быстро росли, развивались, а я, даже став учителем средней школы, оставался на месте. Наверное, если бы меня перевели в другую школу, в какой-нибудь другой район, проблем было бы куда меньше.

На четвертый год работы в новой школе мне в руки в первый раз попала литература, которую издавала «Аум». Од-

нажды в книжной лавке я обратил внимание на маленькую книжечку – журнал «Махаяна». Купил, почитал... Тогда все только начиналось. Это был четвертый или пятый номер. В нем рассказывалось об эзотерической йоге, о которой я мало что знал. Тогда я еще не читал книг Синьити Накадзавы. И мне захотелось узнать об этом побольше.

Как-то в воскресенье я и еще один учитель из нашей школы поехали в Синдзюку⁴⁴ за учебными материалами. Обратились на линию «Одакю», по пути проезжали «аумовский» дождё⁴⁵ в Сэтагая. Он находился на станции Готокудзи. Дел у нас больше никаких не было, и я решил туда заглянуть. В тот день как раз выступал Дзёю. Народ собрался на что-то вроде семинара по «по-а», что значит – «повышение уровня духовности».

«Вот это да!» – думал я, слушая Дзёю. Он говорил ясно и четко, используя яркие метафоры. Его слова обладали притягательностью, особенно сильно действующей на молодежь. После этой проповеди он отвечал на вопросы. Очень убедительно, точно и целенаправленно – каждый, кто спрашивал, получил свой, только ему предназначенный ответ.

Спустя месяц я стал членом «Аум». Дал себе месяца три или полгода, чтобы посмотреть, что это такое, разобраться. С

⁴⁴ Район Токио, где расположен крупный транспортный терминал, в том числе – частной железнодорожной компании «Одакю».

⁴⁵ Зал, использовавшийся членами «Аум Синрикё» как для занятий восточными единоборствами, так и для проведения религиозных обрядов.

меня взяли вступительный взнос – две-три тысячи иен. Еще за год – десять тысяч. Ерунда, короче. Новообращенные получали «аумовские» книги и журналы и право присутствовать на собраниях, где произносились проповеди. Они были трех видов: для широкой публики, для мирян и для тех, кто оставил мирскую жизнь. Я посещал эти собрания раз или два в месяц.

Когда я пришел в братство, у меня в жизни, в общем-то, все было нормально. И все же, как бы благополучно это ни выглядело внешне, было у меня ощущение, будто внутри у меня большая дыра, в которой свистит ветер. Все время казалось, что чего-то не хватает. Глядя со стороны, никто бы не подумал, что со мной не все в порядке. Уже когда я сделался послушником, мне многие говорили: «Что не давало тебе покоя? Никогда бы не подумал, что с тобой что-то не так».

Мне думается, в жизни каждого человека случаются времена, когда наваливается какая-то тяжесть, охватывает тоска, депрессия. Всего колотит, кажется, сейчас вывернет наизнанку. С вами такое бывало?

Нет, до таких крайностей не доходило. Не припоминаю. Летом 1989-го я провел три дня в только что отстроенной «штаб-квартире» у горы Фудзи. Но всерьез стал посещать додзё только осенью. Уходил вечером каждую субботу, в воскресенье возвращался. А в будни занимался дома самостоя-

тельно. Особенно взялся за это, когда прошел «шакти-пат»⁴⁶ – надо было держать себя в форме, чтобы соответствовать. Усвоение полученной энергии – очень деликатный процесс, для этого надо много тренироваться. Я занимался асанами⁴⁷, дыхательными упражнениями, простыми упражнениями по медитации. В среднем по три часа. Этот комплекс нужно повторить двадцать раз. Делаешь, делаешь... и начинаешь понимать, что меняешься. Строишь на вещи оптимистичнее, более открыто. Действительно становишься другим человеком.

В додзё я встретился с серьезными и порядочными людьми. В них было много искренности. Это касается и Учителей, и инструкторов. Душевные, привлекательные... Хотя что касается отношения к внешнему миру, они могли бы... как бы это выразиться... действовать и получше. Это как со студентом-выпускником. В первый раз в жизни он пошел на работу, мандраж, конечно, страшный. Но по-другому быть не может, ведь у него жизненного опыта – ноль. «Аум» производил впечатление угловатого, не знающего жизни студента.

⁴⁶ Инициация, получаемая от духовного наставника, запускающая процесс духовного развития человека. Аналог крещения у христиан.

⁴⁷ Положения тела, применяемые в йогических практиках.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.